Габрусевич, С. А. Проблема терминологического определения Русского Севера в контексте изучения Гражданской войны в регионе / С. А. Габрусевич // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск БГУ, 2011. — С. 113 – 118

**С. А. Габрусевич**

# ПРОБЛЕМА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РЕГИОНЕ

В процессе сбора и анализа фактического и историографического материала историк неизбежно сталкивается с необходимостью локализации, определения территориальных рамок своих исследований. При этом локализация исследования должна соотноситься с изучаемыми событиями и процессами в их хронологической последовательности, иметь четкие границы и внятное определение вне зависимости от того, на основе какого доминирующего фактора (этнографического, административного, военного) либо факторов выделение региона осуществляется. На деле исследователь сталкивается со множеством существующих параллельно друг другу концептов-определений региона, которые накладываются, совпадают либо частично пересекаются с областью, интересующей историка в рамках конкретного исследования. Задача историка сформулировать и обосновать наиболее полное определение региона, и, если это необходимо, выделить на основании критики существующего концептуального поля свое обоснование конкретной исторической локальности.

Приступая к изучению советской и современной российской историографии Гражданской войны на севере России, автор столкнулся с многообразием трактовок определений севера России и выявлении их границ, при этом разными исследователями зачастую в одно и то же определение вкладывалось различное содержание. Таким образом, в статье ставится цель раскрыть использование региональной терминологии «Европейский Север России», «Север России», «Русский Север» в современных российских гуманитарных исследованиях и сформулировать наиболее оптимальное определение в контексте дальнейших исследований Гражданской войны в регионе и анализа историографии. Попытки обобщения подходов к определению Русского Севера предпринимали ученые-регионоведы Ю. Ф. Лукин, М. А. Орешина, на исследования которых автор опирался в своей работе [11; 15; 16].

Что же такой Север России? В соответствии с федеральным Законом «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» от 19 июня 1996 г. № 78-ФЗ, Север трактуется как высокоширотная часть территории страны, характеризующаяся суровыми природно-климатическими условиями и повышенными затратами на производство продукции и жизнеобеспечение населения [20, с. 72]. Север, в свою очередь, состоит из районов Крайнего Севера и приравненных к нему территорий, к которым в 2004 г. до укрупнения некоторых субъектов РФ относились 6 республик, 3 края, 10 областей и 8 автономных округов с общей площадью 11,9 млн км$^2$ и населением 12,2 млн чел. Также в советское время активно употреблялся концепт «Северный район Российской Федерации», включающий Архангельскую, Вологодскую и Мурманскую области, Республики Карелия и Коми [21, с. 338—346].

В то же время подобные определения едва ли уместно использовать в историческом контексте по отношению к процессам, происходившим в регионе вплоть до 30-х гг. XX в., так как сам концепт «Крайний Север и местности, приравненные к нему» впервые был законодательно оформлен только в 1931 г. постановлением СНК РСФСР в нуждах оптимизации управления регионом [18, с. 415—416].

**Габрусевич Станислав Александрович** — аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета

Модели районирования российского северного региона предлагались представителями экономико-географической научной школы. П. П. Семёнов-Тяншанский объединял Архангельскую и Вологодскую губернии в Крайний Север, а прилегающие губернии в Приозёрный край или Озёрную область. Д. И. Менделеев в «Общем обзоре фабрично-заводской промышленности и торговли России» включал Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую губернии в Северный экономический край. Советский географ Н. Н. Баранский в 1926 г. предлагал включить территории Русского Севера в Северо-Западную и Северо-Восточную области. В советское время критерий районирования Севера сводился к выделению экономических районов на основе анализа территориально-производственных комплексов [16, с. 5]. Если в дореволюционной России выделение региональных единиц являлось производной от нужд управления, то в советское время на первое место встал территориально-экономический фактор.

В дореволюционной российской исторической традиции более широко использовался термин «Поморье», определяющий территории, которые советскими и российскими историками локализировались как «Русский Север» и «Европейский Север России». Понятие «Русский Север» активно использовалось местными историками-краеведами, этнографами, фольклористами в начале XX в. Помимо использования множества различных определений местных территорий (например, «Северный край», «Северная земля»), архангельские и вологодские историки апеллировали к максимально широкому определению «Русский Север».

В современной российской науке используется несколько групп определений Русского Севера. Это понятие трактуется некоторыми исследователями как статичное историко-культурное, в первую очередь этническое пространство. Оно охватывает в первую очередь территорию современной Архангельской области [7, с. 24; 8, с. 5—6]. Склонность к подобной трактовке в основном демонстрируют архангельские ученые, которые отождествляют понятие «Русский Север» с определением «Европейский Север России» [25]. Критериями подобной оценки в этнокультурном отношении служат единство локально-групповых прозвищ, фольклорного материала, типичных форм жилища, одежды, структуры питания. Авторский коллектив фундаментального труда «Русский Север: этническая история и народная культура. XII—XX вв.» под «Русским Севером» подразумевает район, ограниченный территорией к северу от водораздела Волга — Северная Двина между районами расселения карелов и народов коми [19, с. 3]. При этом «Русский Север» локализуется на территории Вологодской области, так как именно там этнографические особенности северно-русского населения выражены наиболее полно. Понятие же «Европейский Север России» оценивается как более широкое, охватывающее применительно к XX в. Архангельскую и Вологодскую области и, возможно, некоторые районы Новгородской области [19, с. 105].

В качества синонима определению «Русский Север» с 20—30-х гг. XX в. употребляется термин «Архангельский Север» [11, с. 103]. Употребление данного термина носит дискуссионный характер: если Т. А. Бернштам отождествляет это понятие с территорией Архангельской области, то, по мнению А. А. Куратова, «Архангельский Север» охватывает значительную часть региона вне рамок современной Архангельской области, так как в ее состав входили Мурманск, часть Карелии, Коми [9]. Большинство современных российских историков, этнографов, лингвистов рассматривают «Русский Север» в более широком смысле. Если в рамках этнокультурного подхода понятие «Русский Север» трактуется как давно сформировавшаяся и длительное время пребывающая в статичном состояние система, в рамках исторического подхода основное внимание уделяется динамике внутреннего содержания данной дефиниции, процессам складывания региона в исторической ретроспективе.

Наиболее удачное определение «Русского Севера» в контексте Гражданской войны в регионе в 1918—1922 гг. сформулировал В. И. Голдин, который включил в рамки данной дефиниции территории Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерний. Выделение региона «Русского Севера» в качестве структурной единицы было обусловлено наличием еди-

ных государственных структур на этой территории, а также единством вооруженной борьбы на огромной территории, растянувшейся от современных границ России со скандинавскими державами и побережья Северного Ледовитого океана до Уральских гор и территорий Центрального Нечерноземья [4, с. 16—17; 3, с. 9].

Некоторые исследователи рассматривают определение «Европейский Север России» как синоним «Русского Севера». Другая группа исследователей считает, что понятие «Европейский Север» более широкое и охватывает большую территорию. Так, М. И. Шумилов понимает под «Русским Севером» этнокультурную область, ограниченную территорией Архангельской губернии [25]. Понятие «Европейский Север России» носит исторический характер и включает Олонецкую, Вологодскую (без южных волостей), Архангельскую губернии, ставшие в 1918—1920 гг. отдельным фронтом Гражданской войны [25]. В своей диссертации «Власть и общество на антибольшевистском севере России (1918—1920)» историк Л. Г. Новикова оперирует синонимическим понятием «Северная область», включающим Архангельскую губернию и северные уезды Олонецкой и Вологодской губерний. Автор основывается на административно-территориальном делении на начало 1918 г., добавляя к девяти уездам Архангельской губернии волости Повенецкого уезда Олонецкой губернии и волости Яренского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии, входившие в подчинение органам управления сначала ВУСО, а затем Северной области [13]. Е. И. Овсянкин обращает внимание на создание в апреле 1918 г. Союза коммун Северной области, в который входили представители губерний северных, северо-западных и частично центрально-черноземных районов России [14]. Советские историки А. А. Самойло, М. И. Сбойчаков обращали внимание на особенности вооруженной борьбы в регионе, для которой было характерно отсутствие единого фронта, наличие изолированных друг от друга «направлений» боевых действий на огромной территории от Мурманской железной дороги до реки Обь [17, с. 8]. Н. А. Макаров использует более нейтральное определение «Север России», включая в него регион противостояния между большевиками и их противниками [12]. Обращая внимание на схожие черты композиционного построения деревянных часовен в регионе, историк архитектуры К. Г. Головкин включает в определение «Русский Север» территории Карелии и Республики Коми [5].

Исследователь материальной и духовной культуры поморов Т. А. Бернштам предлагает считать «Русский Север» совокупным результатом наслоения восточнославянских (новгородских и верхневолжских), скандинавских, балтийских, финно-угорских, аборигенных взаимовлияний, сформировавших уникальный этнокультурный тип [1]. Она также обратила внимание на проблему «размытости» южных границ «Русского Севера», так как северно-русские диалекты и комплекс бытовой культуры распространялись за пределы «ядра» «Русского Севера». Поэтому некорректно говорить в целом о едином монолитном «ядре» «Русского Севера» в чистом виде. Подобных взглядов придерживался исследователь деревянной народной скульптуры К. Чекалов, включавший в рамки «Русского Севера» районы южнее линии Белоозерск — Вологда — Великий Устюг [24].

В рамках исторического подхода границы и названия северно-русского региона постоянно меняются в зависимости от действий различных исторических факторов. Так, Г. С. Щуров проследил эволюцию названий региона в исторической ретроспективе: понятия Северная Русь, Заволочье, Русский Север или Двинская земля, Поморье, Архангельский Север, снова Русский Север [26, с. 23]. Ю. Ф. Лукин предложил периодизацию культурно-исторических, цивилизационных волн на русском Севере Европы, выделяя в качестве качественных этапов истории региона Древний Север до н. э., финно-угорскую этническую волну, Досоветский Русский Север, Советский индустриальный Север, Европейский Север современной России [11, с. 20—21].

По мнению ученого М. А. Орешиной, использовать определение «Русский Север» по отношению к изучению местных исторических процессов вплоть до XVII в. является некор-

ректным, так как до этого времени на этой территории размещались небольшие «великорусские мирки», слабо связанные между собой. П. А. Колесников предлагает употреблять термин «Русский Север» только для периода XIV—XV вв. [10, с. 5].

Принципиально иного подхода при выделении границ севера России придерживаются географы и экономисты. При этом ученые опираются на закрепленные в законодательстве, административно-территориальном делении Российской Федерации, экономической теории определения «Северный экономический район Российской Федерации», «Крайний Север», «Северный экономический район». Возвращаясь к терминологии «Крайний Север», следует напомнить, что в 1931 г. при определении границ региона в основу был положен этнический фактор, так как на этой территории расселялись 26 малых народностей Севера. В дальнейшем границы районирования уточнялись в связи с введением так называемых «северных льгот», надбавок к заработным платам работавших на Севере людям.

Необходимо обратить внимание на нетождественность понятий «Российский Север» и «Русский Север». Если определение «Русский Север» в основном употребляется в историческом, этнографическом и культурологическом аспектах, то понятие «Российский Север» носит географический и отчасти геополитический характер. Исходя из ряда климатических критериев, С. Н. Голубчиков под Российским Севером понимает территории, лежащие к северо-востоку от линии Архангельск — Хабаровск [6, с. 32—41]. В. В. Фаузер в рамках «Российского (Русского) Севера» выделяет Европейский, Обский, Сибирский, Дальневосточный Север страны. В качестве важнейшего критерия районирования северных территорий ученый предлагает использовать интегральный показатель «степени дискомфортности» [23]. Показатель «степени дискомфортности» на данный момент официально используется для типологии условий человеческой жизнедеятельности на Севере и складывается на основе социально-экономических (продолжительность отопительного сезона), экономико-географических (транспортная доступность), медико-биологических (риски проживания) факторов.

Дополнительную путаницу может порождать употребление концепта «Европейский Север России» в современном смысле как административно-хозяйственной единицы, впервые обозначенной в советское время [22, с. 6]. В этом отношении «Европейский Север России» выступает как синоним по отношению к определению «Северный Экономический Район» (СЭР), включающему Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую области, Республику Коми, Республику Карелия, объединенных в силу сходства структуры народного хозяйства региона, общих черт расселения населения. В административном отношении большая часть региона, кроме Республики Коми, входит в состав Северо-Западного административного округа.

Также дополнительные сложности добавляет активное использование концепта Поморье, которое некоторыми исследователями отождествляется с Русским Севером [2, с. 16]. Не стоит забывать о применявшемся в 30-х гг. XX в. определении «Северный Край», соответствующего административной единице, в состав которой, что интересно, не входил Мурманск, включенный в Ленинградскую область.

Таким образом, на данный момент мы можем констатировать неоднозначность подходов к районированию Севера, что приводит к «наслаиванию» вокруг определения «Север» новых реалий и смыслов. Границы Севера как объекта социально-экономического, этнографического, исторического, географического, управленческого анализа не совпадают, хотя, сопоставляя границы, можно определить ядро региона и прилегающие к нему зоны [16, с. 69].

Автор предлагает, вслед за М. Ю. Лукиным, выделить два принципиально отличающихся толкования Русского Севера в современной российской науке [20, с. 92—94]. С одной стороны, существует историческое и этнокультурное определение региона как обширного социокультурного пространства, единство которого было закреплено с XVI—XVII вв. в рамках ряда административных единиц (Вологодское наместничество, Архангельская и Вологодская губернии, Северный край и т. д.). В этом контексте «Русский Север» в большинстве случаев

отождествляется с «Европейским Севером» и в идеальном виде соотносится с территориями Архангельской, Вологодской, Мурманской областей, республиками Карелия и Коми. В рамках данного толкования сторонники этнокультурного подхода рассматривают «Русский Север» как в первую очередь статичное пространство, заселенное людьми, имеющими схожие черты материальной жизни, языка, фольклора и т. д. В рамках исторического подхода Север России выступает как динамически изменяющаяся во времени реальность, регион, имеющий различное значение и границы в процессе общероссийской истории.

С другой стороны, можно выделить регионоведческое толкование, определяющее «Русский Север», исходя из нужд государственного управления и экономической деятельности в крае. В данном контексте концепты «Русский (Российский, Крайний) Север» применяются по отношению к современным реалиям и обозначают административно выделенное экономическое, политическое, социальное и культурно-этническое пространство.

В рамках исследований, посвященных историческим процессам в регионе в первой четверти XX в., не следует использовать сформировавшиеся позднее определения («Крайний Север», «Архангельский Север», «Северный экономический район»), отражающие в первую очередь реалии экономического и политического развития региона в советский и постсоветский периоды. Наиболее корректным автору видится применение синонимичных дефиниций «Русский Север», «Европейский Север России», «Север России», под которыми в первую очередь следует подразумевать территории Архангельской, частично Вологодской, Олонецкой губерний, составлявших на момент начала XX в. единство в административном, экономическом, этнокультурном отношениях, что осознавалось местными элитами и простым населением региона (вспомним определения края местных историков-краеведов, названия местных антибольшевистских и советских органов власти). Таким образом, понятия «Русский Север», «Европейский Север России» обладают той необходимой степенью историчности, которая позволяет включать их в рассматриваемый исторический контекст первой четверти XX в.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Бернштам, Т. А.* Поморы: формирование группы и система хозяйства / Т. А. Бернштам. Л. : Наука, 1978. 176 с.

2. *Булатов, В. Н.* Русский север: в 4 кн. / В. Н. Булатов. Кн. 3. Поморье (XVI — конец XVIII в.). Архангельск : Изд-во ПГУ, 1999. 333 с.

3. *Голдин, В. И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918—1920 / В. И. Голдин. М. : Изд-во МГУ, 1993. 200 с.

4. *Голдин, В. И.* Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны / В. И. Голдин, П. С. Журавлёв, Ф. Х. Соколова. Архангельск : Солти, 2007. 350 с.

5. *Головкин, К. Г.* Деревянные часовни Русского Севера / К. Г. Головкин. М. : Институт наследия, 2005. 224 с.

6. *Голубчиков, С. Н.* Российский Север на переломе эпох / С. Н. Голубчиков, С. В. Ерохин. М. : Пасьва, 2003. 240 с.

7. *Дранникова, Н. В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского севера / Н. В. Дранникова. Архангельск : Изд-во ПГУ, 2004. 432 с.

8. *Дранникова, Н. В.* Собирание фольклора Архангельской области на протяжении XIX—XX вв. / Н. В. Дранникова, И. А. Разумова // Фольклор Севера: региональная специфика и динамика развития жанров. Исследования и тексты. Архангельск : Изд-во ПГУ, 1998. С. 5—18.

9. История и культура Архангельского Севера (досоветский период): межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. А. Куратова. Вологда : ВГПИ, 1986. 156 с.

10. *Колесников, П. А.* Вклад народных масс Русского Севера в материальную и духовную культуру России / П. А. Колесников // Культура Русского Севера. Л. : Наука, 1988. С. 5—13.

11. *Лукин, Ю. Ф.* История, экология, экономика в меняющейся России: взгляд из Архангельска / Ю. Ф. Лукин. Архангельск : ПГУК, 2001. 397 с.

12. *Макаров, Н. А.* Военная интервенция и гражданская война на севере России 1918–1920 гг. / Н. А. Макаров. Архангельск : Правда Севера, 2008. 397 с.

13. *Новикова, Л. Г.* Власть и общество на антибольшевистском Севере: 1918—1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Л. Г. Новикова. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Исторический факультет. М. : 2004. 26 с.

14. *Овсянкин, Е. И.* На изломе истории. Архангельск / Е. И. Овсянкин. Архангельск : Архконсалт, 2007. 560 с.

15. *Орешина, М. А.* Из архивного наследия деятелей культуры Русского Севера второй половины XIX — начала XX века / М. А. Орешина. М. : Русаки, 2006. 232 с.

16. *Орешина, М. А.* Русский север начала 20 в. и научно-краеведческие общества региона / М. А. Орешина. М. : Российское общество историков-архивистов, 2003. 359 с.

17. *Самойло, А. А.* Поучительный урок (боевые действия Красной Армии против интервентов и белогвардейцев на Севере России в 1918—1920 гг.) / А. А. Самойло, М. И. Сбойчаков. М. : Воениздат, 1962. 192 с.

18. Русский Север: Проблемы социального развития: учеб. пособие / под ред. Н. А. Волгина, Ю. П. Алексеева. М. : Издательско-торговая корпорация Дашков и К°, 2004. 896 с.

19. Русский Север: этническая история и народная культура. XII—XX вв. / под ред. И. В. Власова. М. : Наука, 2004. 848 с.

20. Северное регионоведение в современной регионологии: монография / под ред. Ю. Ф. Лукина. Архангельск : Высшая школа делового администрирования ИУППК ПГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. 449 с.

21. Страны и народы. СССР / под ред. Ю. В. Бромлей. М. : Мысль, 1983. 461 с.

22. *Трофимов, П. М.* Очерки экономического развития Европейского севера России / П. М. Трофимов. М. : Соцэкгиз, 1961. 264 с.

23. *Фаузер, В. В.* Демографические исследования Русского Севера: история и современность / В. В. Фаузер // Историческая демография. М.-Сыктывкар : Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2007. С. 202—210.

24. *Чекалов, А. К.* Народная деревянная скульптура Русского Севера / А. К. Чекалов. М. : Искусство, 1974. 190 с.

25. *Шумилов, М. И.* Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском Севере России / М. И. Шумилов. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1992. 95 с.

26. *Щуров, Г. С.* Очерки истории культуры Русского Севера, 988—1917 / Г. С. Щуров. Архангельск : Правда Севера, 2004. 487 с.

## РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается вопрос терминологического определения региона «Север России» в российской историографии. Автор анализирует разнообразие определений, использующихся российскими исследователями («Российский Север», «Европейский Север», «Крайний Север»), и определяет их территориальные границы. Анализ исторических исследований, рассматривающих события в регионе в XX в, показывает корректность использования определений-синонимов «Европейский Север России» и «Русский Север» для определения территорий, включавших Архангельскую губернию, и некоторых уездов Вологодской и Олонецкой губерний.

## SUMMARY

The article touches upon the matter of terminological identification of «The North of Russia» region in the Russian historiography. The author considers a variety of terms used by the russian researches («The Russian North», «The European North», «The Extreme North») and determines their territorial borders. The analysis of historical researches devoted to the first quartet of the 20th century proves that the terms «The European North of Russia» and «The Russian North» can be considered as the synonyms for the naming of the full territory of the Arkhangelsk Governorate and the parts of the Vologda and the Olonets Governorates.

Статья поступила в редакцию 4 марта 2010 г.